

Коротко о книгах

Культура раннефеодальной Армении (IV—VII вв.). Под ред. С. Т. Еремяна, С. С. Аревшатяна, Э. Л. Даниеляна. Ереван, АН Арм. ССР, 1980, 532 с.

Книга издана в ознаменование 1500-летия великого армянского ученого Давида Анахта (Непобедимого). Она написана коллективом ученых, специализирующихся по истории и культуре средневековой Армении. Книга состоит из введения, семи глав, примечаний к главам, списка источников на армянском, русском и западноевропейских языках (более 270 наименований), указателей имен древних и современных авторов и списка географических названий. В ней помещены две картосхемы: «Армения в IV—VII вв.», «Карта мира» по «Армянской географии VII в.», 20 фотографий архитектурных памятников, фрагментов орнаментальной резьбы по камню, настенной живописи и нескольких миниатюр, украшающих экземпляры средневековых армянских книг.

Рецензируемый труд займет достойное место среди исследований в области культуры и науки эпохи раннего феодализма.

Остановимся на третьей главе книги, где освещается история географических знаний и космографических представлений. В первом разделе главы «Естественнонаучные воззрения», который назван «Космография» (автор Э. Л. Даниелян), показывается, что среди армянских мыслителей V—VII вв., трактовавших космографические положения на основе аристотелевской концепции о Вселенной, видное место кроме Давида Анахта занимает энциклопедист Анания Ширакаци (около 615—685 гг.), автор многих сочинений, в том числе «Космографии» и «Географии». Если Анахт считается родоначальником светского направления в армянской философии, то Ширакаци признается как основоположник ее естественнонаучного направления. По мнению автора, краеугольным камнем идеи шарообразности Земли в раннефеодальной Армении было представление об антиподах, опирающееся на учение Аристотеля о суше «обитаемого умеренного» пояса южного полушария.

Анахт высказывал сомнение в возможности существования антиподов, Ширакаци же безоговорочно их признает. Он сравнивает шарообразную Землю с куриным яйцом, уподобляя желток самой Земле, белок — воздуху, а скорлупу — небесному своду. Вслед за Аристотелем и Птолемеем Анахт и Ширакаци утверждают, что Земля занимает центральное положение во Вселенной, объясняя это не только «точкой равновесия», но и «вращением Неба», а также «теорией вихрей», не позволяющим Земле опуститься в южную полусферу Неба. Как показано в следующем разделе (автор С. Т. Еремян), свою геоцентрическую гипотезу о шарообразной Земле Ширакаци противопоставляет космологическим воззрениям Константина Антиохийского (более известного в литературе под монашеским именем Космы Индикоплова), изложенным в его «Христианской топографии», в которой сделана попытка возродить библейские воззрения о плоской четырехугольной Земле. Вслед за античными мыслителями Анахт и Ширакаци за основу материального мира принимали четыре элемента (огонь, вода, воздух, земля). Ширакаци особое внимание уделял процессам непрерывного изменения лика Земли, считая, что это происходит в результате землетрясений и образования трещин в земной коре, связывая это с действием подземного воздуха, «разбушевавшегося от огня». Он правильно объяснял явления солнечных и лунных затмений.

Во втором разделе главы, именуемом «География и картография», анализируется другое сочинение Ширакаци — «Армянская география VII в.». В более поздних рукописях оно называется «Ашхарацуиц», что значит «Атлас мира», так как к нему было приложено собрание географических карт, охватывавших известный в то время мир от Западной Европы до Серики (Китай) и страны синов (Индокитай). Как

показывает автор этого раздела С. Т. Еремян, «География» Ширакаци написана на основе трудов Птолемея, Паппа Александрийского и «Хроника» Ипполита из Бостры. Автор анализирует географические взгляды Ширакаци и его способы построения карт. Он показывает, что в VII в. в Армении были крупные труды по космографии, географии и картографии.

Третий раздел главы посвящен истории армянского календаря (автор Г. С. Бадалян). Этот календарь содержал 365 дней в году, делился на 12 месяцев по 30 дней

и имел дополнительный месяц в 5 дней. Каждый месяц и каждый день месяца имели названия (это указывает на отсутствие семидневной недели). Сутки делились на 12 дневных и 12 ночных часов, каждый час также имел свое наименование.

Остается пожалеть, что этот труд издан тиражом в 600 экземпляров, что делает его малодоступным.

А. Б. Дитмар (Ярославль)

Любина Г. И. Формирование основ научной политики во Франции. М., Наука, 1980. 207 с.

Научно-технический прогресс и тесно связанный с ним процесс изменения общественных отношений не есть случайное явление второй половины XX в., он подготовлен всем ходом исторического развития науки и самого общества, мощный импульс которому был дан Великой Октябрьской социалистической революцией. Вот почему за последние 10—15 лет государственные, политические и общественные деятели и, разумеется, руководители научных учреждений все больше стали уделять внимания проблемам политики в отношении науки, организации ее развития. Исследованиями научной политики начали активно заниматься историки науки, для которых изучение научной политики как комплекса преимущественно государственных организационных, технических, финансовых мероприятий ведет к более глубокому пониманию исторического процесса развития самой науки.

В советской науковедческой литературе уже появились работы о современной организации научной деятельности в странах капиталистического мира. Меньше внимания уделялось изучению истории научной политики в зарубежных странах, формированию ее основ. В частности, монографическое исследование советского автора о раннем этапе государственной организации науки во Франции мы встречаем впервые.

В книге с марксистских позиций, с использованием большого фактического материала анализируется, хотя и в сжатой форме, процесс формирования основ научной политики Франции в период между

двумя мировыми войнами. Достоинством работы Г. И. Любиной, на наш взгляд, является то, что в ней на опыте одной из развитых капиталистических стран показана необходимость и неизбежность государственной организации науки в эпоху современной научно-технической революции. Исторический опыт Франции интересен тем, что здесь эта универсальная тенденция развития современной науки проявилась достаточно ярко уже в начальную пору научно-технической революции. Но в силу особенностей развития государственно-монополистического капитализма в этой стране государственная организация приобрела своеобразные национальные черты. Автор монографии подчеркивает, что в этот период «своеобразие организации науки во Франции состояло в том, что огосударствление научных исследований происходило не только за счет создания государственных органов регулирования научной деятельности, но и за счет формирования государственного сектора научных исследований путем проникновения исследований в высшую школу, которая была монополизирована государством уже со времени Великой Французской буржуазной революции XVIII в. Наряду с этим во Франции в силу протекционистской политики государства и национализации ряда отраслей промышленности сравнительно рано образовался государственный сектор в промышленных исследованиях» (с. 203).

Это важный вывод. Правильность его подтверждена организацией науки во многих странах современного мира. Более не-